

Зеркала нарциссизма: клинические проявления психоза¹

Анн Брюн

(Пер. с фр: Л. В. Захарова)

Анн Брюн – психоаналитик, профессор клинической психологии и психопатологии, директор центра исследований психопатологии и клинической психологии Лионского университета (Université Lyon 2). Член Парижского психоаналитического общества (SPP).

Растущий интерес Фрейда к лечению психозов отчасти мотивировал введение в 1914 году концепции нарциссизма. В этой статье предлагается прояснить проблемы нарциссизма в клинике психоза с двойной точки зрения – метапсихологической и терапевтической. Эволюция концепции первичного нарциссизма в истории психоанализа рассмотрена в свете трудов Винникотта и вкладов современных психоаналитиков в изучение первичных форм символизации. Фрейд подчеркнул, что важность концепции нарциссизма представляет собой препятствие для терапевтического измерения психоанализа, и объявил о модификации обычных методов для лечения патологий нарциссизма и, в частности, о модификации психоанализа. Ведущим в клинических исследованиях становится упор на сенсомоторный и телесный подход, основанный на психотерапевтической медиации.

Ключевые слова: терапевтическая медиация, первичный нарциссизм, психоз, сенсорность, первичная символизация.

¹ Оригинал статьи: Университетское издательство Франции, Журнал детского психоанализа, 2014/1, выпуск 4, с. 185–207 (Presses Universitaires de France | Journal de la psychanalyse de l'enfant, 2014/1. Vol. 4 | pages 185 à 207).

Растущий интерес Фрейда к лечению психозов отчасти мотивировал введение в 1914 году концепции нарциссизма, которая перестраивает всю психоаналитическую теорию и позволяет открывать новые метапсихологические точки зрения. В поддержку концепции нарциссизма в данной статье предлагается начать с фрейдистских представлений о влиянии психоза на зарождение концепции нарциссизма. Это даст возможность определить, какую роль играет нарциссизм в клинических проявлениях психозов, согласно двойной перспективе, метапсихологической и терапевтической. На метапсихологическом уровне в истории психоанализа, в частности вокруг вопроса о первичном нарциссизме, в статье будут выявлены некоторые эвристические моменты для теоретизирования проблемы нарциссизма: в то время как Фрейд продвигал концепцию первичного нарциссизма с солипсистской точки зрения, Винникотт совершил настоящую метапсихологическую революцию, подчеркнув зеркальную роль, которую играет объект в структурировании первичного нарциссизма, и таким образом открыл понимание психотической проблемы. Современные психоаналитики столкнулись в клинике психоза с необходимостью формирования конкретных концепций. Опираясь на работы этих психоаналитиков и учитывая взаимосвязь психотической проблематики с первыми сенсомоторно-аффективными переживаниями по отношению к объекту, далее мы выделим роль примитивных ощущений в контексте первичного нарциссизма, который нельзя мыслить независимо от объекта. Такие примитивные ощущения, являющиеся эхом окружающей среды, позволяют постепенно установить различие между Я и не-Я и получить доступ к первичным формам символизации.

Ведущим в клинических исследованиях будет упор на сенсомоторный и телесный подход, основанный на психотерапевтической медиации. Также будет описана реактуализация примитивных сенсорных ощущений в психоаналитической психотерапии психозов.

Фрейдовские перспективы: влияние психоза на зарождение концепции нарциссизма

Во «Введении в психоанализ» (1915–1917) Фрейд ссылается на первые концепции (психосексуального развития. – *Прим. пер.*) Абрахама, высказанные им в 1908 году после их обмена идеями, и уточняет гипотезу о том, что преждевременное слабоумие характеризуется отсутствием фиксации либидо на объектах, потому что оно (либидо) возвращается в Я. Этот рефлексивный поворот является источником бреда величия при преждевременной деменции. Фрейд подчеркивает, что эти тезисы Абрахама, изложенные им в работе «Психосексуальные различия между истерией и преждевременным слабоумием» (1908), о роли нарциссизма стали основой психоаналитической позиции в отношении к психозам. Во втором разделе текста о нарциссизме (1914) Фрейд снова подчеркнет, что анализ психозов – это привилегированный способ доступа к нарциссизму.

Напомним, что нарциссизм соответствует либидинозному инвестированию Я и что Фрейд в 1914 году предложил идею противопоставления и

баланса между нарциссическим либидо и объектным либидо: эта передовая инновационная теория, которая делает второй шаг в создании теории влечений в 1914 году, вводит новый взгляд на теорию либидо, которая отныне больше не сосредоточена исключительно на объектности, но также открывает и инвестирование себя; Фрейд установил своего рода баланс между либидо Я и объектным либидо. Фрейд постулирует инвестирование, происходящее из Я, первичный нарциссизм, первую стадию нарциссической завершенности, предшествующую любой дифференциации от объекта, и поэтому рассматривает Я как большой резервуар либидо, который частично направляется к объектам.

Введение концепции нарциссизма поднимает вопрос о его разделении с аутоэротизмом, ранее описанным Фрейдом как состояние либидо в его начале. В 1911 году он описал нарциссизм как промежуточную фазу между аутоэротизмом и выбором объекта:

«<...> Развивающийся индивидуум собирает в единое целое свои сексуальные влечения, которые до этого действовали в аутоэротическом режиме, чтобы завоевать объект любви, и сначала он берется за себя, *он берется за свое собственное тело как объект любви*, прежде чем перейти к выбору в качестве объекта другого человека» (*Freud, 1911, p. 306*).

Это первое определение нарциссизма как промежуточной стадии между аутоэротизмом и любовью к объекту сопровождается идеей возможного регресса либидо в этой нарциссической фазе и подчеркивает роль, которую играет инвестирование собственного тела в определенном смысле: это необходимая предварительная подготовка к выбору объекта.

Хотя аутоэротические влечения существовали с самого начала, Я не присутствует с самого начала в индивидууме, но оно должно претерпевать развитие, как указывает эта знаменитая формулировка основателя психоанализа: «<...> Следовательно, какое-то новое психическое действие должно быть добавлено к аутоэротизму, чтобы придать форму нарциссизму» (*Freud, 1914, p. 221*).

Это новое психическое движение, соответствующее появлению Я, инициирует серьезную модификацию в *метапсихологии*, которая отныне будет обыгрывать идею взаимодополняемости и противопоставления двух либидо: объектного, где сексуальное направлено на объект, и либидо Я, где сексуальное обращено к Я.

Фрейд предлагает представить нарциссизм в виде амебы, которая протягивает свои ложноножки к объектам и может возвращать их обратно; этот сильный образ обозначает репрезентацию либидинозного инвестирования, исходящего из Я, из которого «часть позже уступается объектам», но которое в основном сохраняется. Затем Фрейд подчеркивает взаимодействие между либидо Я и объектным либидо: «Чем больше одно разворачивается, тем больше другое обедняется». Различие между сексуальной энергией, либидо и энергией влечений Я поначалу неразличимо в состоянии нарциссизма и проявляется только при инвестировании объекта. Процесс, с помощью которого Я трансформирует либидо, которое вкладывается в объектное либидо, кажется обратимым, потому что объектное либидо может снова стать либидо Я (или нарциссическим либидо).

Это различие между либидо Я и объектным либидо кажется Фрейд продолжением его гипотезы о разделении сексуальных влечений и влечений Я: даже если эта гипотеза в значительной степени основана на биологии и мало – на психологических фактах, она вытекает из клиники психологии невротизации переноса и парафрении (преждевременной деменции и паранойи). В этом он решительно поддерживает Юнга, который защищает концепцию либидинозного монизма, другими словами, уникального типа психической энергии. Поэтому Фрейд обсуждает, вводя анализ Я² (*Ichpsychologie*), тезис Юнга о том, что концепция либидо не может применяться к шизофрении, так же как утрата либидо не может быть причиной потери реальности при психозе.

Основатель психоанализа в дальнейшем разработает концепцию нарциссической абстиненции и отказа от объектов при шизофрении в 1915 г. в своей работе «Бессознательное». Таким образом, изучение шизофрении, при которой либидо отвлекается от объектов внешнего мира, является, согласно Фрейд, одним из истоков его размышлений в отношении нарциссизма.

В связи с темой первичного нарциссизма появляются такие понятия, как «нарциссическое всемогущество», чувство всемогущества и самодостаточной завершенности, типичные для психотических патологий. Фрейд постулирует первичный нарциссизм, который трудно понять при непосредственном наблюдении, как обоснование того факта, что родители вынуждены приписывать своему ребенку все совершенства: Его Величество ребенок исполнит мечты родителей о неудовлетворенном желании, поскольку «Любовь родителей есть не что иное, как их только что возродившийся нарциссизм». Нарциссизм, возродившийся в форме объектной любви.

Этот первичный нарциссизм относится (как Фрейд определит в 1915 году в статье «Влечения и их судьбы») к первичной иллюзии безразличия между младенцем и внешним миром – другими словами, к раннему безобъектному, недифференцированному субъективному состоянию, в такой степени, в какой ребенок еще не построил субъективную связь с другим человеком, который воспринимается как отличный от него.

Мы могли бы подчеркнуть, что эта теория первичного нарциссизма, задуманная солипсистским образом, проистекает из «действующего проникновения» (*Donnet, 2007*) нарциссической проблематики в теорию, которая имеет тенденцию связывать все с собой, стирать то, что исходит из вторичного нарциссизма, а также стремится стереть тот факт, что нарциссический процесс состоит именно в стирании: это наблюдение Руссийона (2011), который исследует вклад Винникотта в анализ нарциссизма и форм самопорождения.

² Использование термина «анализ Я» кажется предпочтительным по сравнению с термином «психология Я», который относится к исторической полемике с американскими сторонниками «бесконфликтной сферы».

Винникотт, или Метапсихологическая революция: объектный первичный нарциссизм

Для Винникотта первичный нарциссизм нельзя помыслить независимо от объекта, другими словами – от другого субъекта: один из фундаментальных вкладов его теории состоит, по сути, в выделении части объекта в структуре первичного нарциссизма. Вводя функцию материнской заботы и присутствие окружающей среды в конструкцию первичного нарциссизма, Винникотт «денарциссирует теорию нарциссизма», согласно формулировке Р. Руссийона (2011), и наделяет его ролью «двойника», «зеркала» самого себя, которое опосредует построение идентичности. Таким образом, Винникотт повторно вводит историческое измерение первичного зеркального объекта и реконструирует архаическую связь между объектом и субъектом, чтобы описать текущую нарциссическую конфигурацию субъекта. Другими словами, следы воздействия на субъект первичных реакций объектов, проявляющиеся в клинике *après coup*.

Таким образом, Винникотт произвел значительную метапсихологическую революцию: функция объекта в конструировании самости и настойчивость в ответе объекта на либидинозные движения субъекта приводят к идее о том, что влечение является носителем адресованного объекту сообщения, которое ожидает ответа от объекта: Р. Руссийон (2010, с. 97–102) предлагает таким образом придать влечению смысловое измерение, подчеркивающее важность контакта с объектом. Такова объективизирующая задача влечений, эта ценность посланника в направлении объекта будет диалектизована с более классической задачей разрядки и снижения напряженности, нарциссическим вкладом в жизнь влечений.

Согласно Винникотту, ответы, которые первичный объект принесет деструктивности субъекта, позволят осуществить процесс объективизации или уйти в нарциссическую проблематику. Если на самом деле объект мстит или уходит в ответ на инстинктивные движения ребенка, связь будет разрушена и нарциссизм ребенка останется заблокированным в солипсизме. И наоборот, если объект переживает движения деструктивности, если он показывает себя затронутым ими, не выходя из отношения, связь с объектом будет поддерживаться: начнет проявляться психическая тема. Организация происходит вокруг дифференциации внутреннего объекта, разрушенного фантазией, и внешнего объекта, переживающего деструктивность субъекта. Таким образом, мы оставляем первичный нарциссический солипсизм, первичную нарциссическую иллюзию благодаря реакции объекта, которая играет свою зеркальную функцию и позволяет ее использовать, и направляемся в сторону признания инаковости объекта. Таков парадокс изначальной деструктивности (*Winnicott, 1971, p. 120–131*). Таким образом, при психозе тенденция к разрушению будет связана с невозможностью отделения от первичного объекта, потому что все происходит так, как если бы психотический субъект «испытал реальность невыживания объекта», что «реализует фантазию о деструктивности в то же время заставляет его терять свою интрапсихическую локализацию, свой потенциальный характер»

(*Roussillon*, 1991, p. 129). Таков парадокс первичной деструктивности (*Winnicott*, 1971, p. 120–131).

Этот процесс проявляется в следующей клинической последовательности, которая объясняет мутационный момент возникновения солипсистского нарциссического бегства, в котором ребенок был заперт.

Девятилетний Пьер, страдающий симбиотическим психозом, с аутистической защитой, находится в дневном стационаре в рамках индивидуальной визуальной медиации с двумя клиницистами. В начале своей терапевтической работы в арт-терапевтической медиации Пьер входит в разговор и начинает организовывать свою деятельность на пространственно-временном уровне. В возрасте семи лет он пережил трудный период жестокости, который характеризовался, в частности, неоднократными физическими нападениями на консультанта. Пьера в четыре месяца поместили в приемную семью из-за психологических проблем его матери, вместе с другим ребенком, у которого не было отца; он по-прежнему живет в той же семье и время от времени навещает свою биологическую мать.

Этот ребенок быстро побуждает руководителей семинара действовать как зеркало, в частности жестовое и звуковое зеркало. Мастер-класс представляет собой настоящую звуковую ванну, которая сопровождает следы, с игрой повторения и ритмическим сканированием различных звукоподражаний, рифм, песен, а также с игрой дублирования жестов и изобразительных следов, раскрашенные формы повторяются, в частности, с психологом-стажером, которому ребенок велел регулярно вставать рядом с ним перед листом бумаги. Именно в контексте этой хореографии вокруг листа через шесть месяцев появились первые лица; сначала ребенок стирает лица, покрывая их краской, он заставляет эти лица появляться и исчезать, стирая их.

Во время особо важного сеанса Пьер представляет лицо на своем листе бумаги и царапает его руками. Консультант кричит: «Ой!»; Пьер смеется, снова цепляется за лист, смотрит на консультанта, ожидая очередного восклицания, затем нежно гладит лицо на листе, чтобы стереть царапины. Игра повторяется, ребенок очень волнуется, смеется и радуется. На следующем сеансе Пьер начинает смеяться, как только видит консультанта, глядящего на то, что он рисует. Он рисует новое лицо, перечеркивает, снова вскрикивает и охватывает рисунок взглядом, проводя рукой по картине. Затем Пьер продолжает в своей живописной деятельности это изображение лиц, но лица больше не стирает.

Этот этап работы с лицами был изменчивым для ребенка, потому что он смог усвоить разницу между лицом, воспринимаемым в действительности, и лицом, изображенным на листе: его ликование происходит от того факта, что он может царапать и атаковать лицо на лице. Лист, таким образом, обновляет его первоначальную деструктивность по отношению к лицу матери и дает возможность увидеть, что лицо консультанта остается нетронутым в действительности и что последний остается доброжелательным по отношению к нему. Другими словами, он может уничтожить лицо на листе, не разрушая его в действительности, и, таким

образом, дает доступ к измерению своей бессознательной фантазии, описанной Д. Винникоттом (1971, с. 125):

Эй, объект, я тебя уничтожил. Я люблю тебя. Ты важен для меня, потому что пережил мое уничтожение тебя. Поскольку я люблю тебя, я все время тебя уничтожаю в своей фантазии (бессознательной).

Это тем более важно, учитывая, что Пьер внезапно потерял лицо своей матери в пять месяцев – в связи с усыновлением: все произошло таким образом, как если бы в ответ на первоначальную деструктивность ребенка лицо матери фактически исчезло в реальности и разрыв между фантазией и реальностью установить не удалось. Этот ребенок фактически пытался, двумя годами ранее, в институциональных рамках, посредством жестоких физических нападений каким-то образом направить своего референта на смерть. Поэтому мы переходим от «Я убиваю тебя и уничтожаю тебя в реальности» к «Я уничтожаю тебя как изображение, фантазию, но ты остаешься живым в реальности».

Опекун возвращает, театрализуя, его детскую деструктивность: именно эта театрализация позволяет ребенку обратиться к своей деструктивности при передаче опекуну, тем самым возобновив процесс разрушения/создания в связи с исходным объектом. В целом, миметическое преувеличение психотерапевтом поведения ребенка позволяет последнему осознавать свои эмоции, «чувствовать себя прочувствованными». Этот тип взаимодействия выводит на поверхность недавние исследования первичного взаимодействия младенцев с окружающей их средой в нейробиологии развития: таким образом, Гергели и др. (*Gergely et al.*, 1999) показывают, что именно преувеличение выражения эмоций ребенка в родительской имитации позволяет ребенку понять, что это действительно его собственный аффект, который ему возвращают родители. Театрализация терапевта позволяет ребенку осознать свое влияние на окружающую среду: аналогично, склонность ребенка к активному захвату окружающей среды зависит от его способности изменять другого и чувствовать другого, который действует.

Эта клиническая последовательность учитывает терапевтическую работу по конструированию первичного нарциссизма в связи с объектом, что является необходимым шагом в психотерапии детей-психотиков.

Возвращение к мифу: в зеркале нарциссов

Как показывает эта клиническая последовательность, роль зеркала, которую играет объект, существенная для построения первичного нарциссизма, уже присутствовала в мифе о Нарциссе. Поэтому давайте вернемся к мифу, чтобы пролить свет на одну из центральных проблем не только психотических патологий, но, в более общем плане, всех патологий нарциссической идентичности, в соответствии с общим термином, предложенным Р. Руссийоном. В рассказе Овидия Нарцисс обречен на встречу только с призраком своего собственного образа и не может ухватить

никого, кроме себя, – миф, который можно интерпретировать как постановку неуловимого первичного объекта. Двойник его самого заставляет Нарцисса инвестировать себя. Пока нимфа Эхо влюблена в Нарцисса, она повторяет ему: «Давай объединимся». Нарцисс убегает от нее со словами: «Скорее умрешь, чем прикоснешься ко мне», что хорошо свидетельствует об опасности смерти, связанной для него с возможным первичным столкновением с объектом. Скорбь от отвержения истощает жалкое тело Эхо, худоба иссушает ее кожу, остается только ее голос и кости. Ее кости приняли форму камня, она исчезает, но все ее слышат: звук – это все, что в ней сохранилось, – пишет Овидий. Перекрещенные зеркала Нарцисса и Эхо, которые могут относиться к отсутствию встречи с инаковостью, с главным зеркалом лица матери, в котором ребенок отождествляется (*Winnicott, 1971*): мы испытываем первое разочарование отвергнутого, неслышанного, или плохо отраженного, таково было бы одно из возможных следствий мифа, инсценированного различными формами психопатологии нарциссизма.

Терапевтические последствия теории нарциссизма в психозах

Фрейд так и не последовал своему основополагающему тексту 1914 г. о нарциссизме и не написал работу, посвященную нарциссизму, проект которой у него был. Но, как это ни парадоксально, его небольшой текст 1914 года станет отправной точкой для большинства текущих разработок психоанализа – аналитики постоянно вносят свой вклад в расширение и обновление фрейдистских интуиций в контексте новых форм психоанализа. Современная теория этой психопатологии собрана под общим термином «страдания нарциссической идентичности».

В 1915 году Фрейд поднял вопрос о нарциссизме во «Введении в психоанализ», в главе «Теория либидо и нарциссизма». Основатель психоанализа переформулировал в ней тезисы своего текста 1914 года, но по-новому указал на терапевтические последствия: в нарциссических неврозах, которые для него включают психозы, сопротивление непреодолимо – в отличие от переносных неврозов. Либидо пытается вернуться к своим объектам, но поражает только тени, представления слов. Фрейд подчеркивает необходимость замены обычных технических методов психоанализа другими и утверждает, что еще не знает, удастся ли психоанализу произвести эту замену. Следовательно, степень нарциссизма составляет предел терапевтического успеха, особенно в области психозов.

Со времен Фрейда было подчеркнуто, что замена, согласно фрейдистской формулировке, обычных технических методов психоанализа другими для лечения серьезных патологий нарциссизма и, в частности, психоза, отчасти получила распространение. Они развивались благодаря значительному развитию терапевтических опосредствований, которые уходят корнями именно в историю психоаналитической психотерапии психозов (*Brun, 2007; Brun, 2007; Brun, 2013*). Вопрос в том, как эти опосредствованные терапии, относящиеся к психоаналитической психотерапии,

позволяют психотикам выйти из нарциссической абстиненции и снова инвестировать в объекты. Сначала я выдвину гипотезу о том, что для выхода из нарциссического всемогущества необходимо задействовать модальности первых взаимодействий с окружающей средой и начать терапевтическую работу, основанную на обращении к сенсомоторным навыкам, чтобы повторно инициировать связь с объектом и процессами дифференциации Я/не-Я. Другими словами, речь идет о задействовании процессов символизации, основанных именно на этом сенсомоторном регистре.

«Классические» теории психоза настаивают на невозможности или затруднении доступа к символическому для этих пациентов, которые кажутся погруженными в сенсомоторный регистр, что частично объясняет тупики психотерапии, основанной на словесном языке. Но можно начать терапевтическую работу, основываясь на призыве к сенсомоторному, чтобы задействовать процессы символизации, основанные именно на сенсорных и моторных переживаниях. С этой точки зрения психоаналитическая психотерапия, считающаяся эффективной в институциональной практике, связана с терапевтической медиацией, основанной именно на использовании сенсорной среды, такой как живопись, музыка, моделирование, коллаж. Моя цель теперь заключается в том, чтобы показать, как терапевтическая медиация позволяет мобилизовать первичные формы символизации, чтобы инициировать терапевтический процесс (Brun, 2007, p. 124).

Тело и нарциссизм в психотической проблематике

Работа над первичными формами символизации особенно развита среди современных психоаналитиков, что объясняет и тот факт, почему большинство теоретиков-аналитиков XX века пытались разработать определенные концепции, чтобы иметь возможность думать о первых сенсорно-аффективно-двигательных переживаниях в отношении к объекту, например протоменталу (Бион), агглютинированному объекту (Блежер), пиктограмме (Касториadis-Оланье), проторепрезентации (Пиноль-Дурье), формальному означающему (Д. Анзье) и многим другим. Мы определенно можем отметить, что большинство этих психоаналитиков имели клинический опыт, связанный с психозами, и поэтому терапевтический подход в клинике требует концептуализации, которая позволяет нам учитывать важность сенсорных, телесных и моторных навыков. Это модальности эволюции современной психопатологии, в частности клиники пограничных и психотических функций.

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к детской клинике, потому что она может показать, как взаимодействуют примитивные сенсорные ощущения ребенка с окружающей его средой. Текущая работа показывает, что это отражение ребенка в его окружении – то, что Стерн (1985) называет настройками окружающей среды, которые позволяют ребенку получить доступ к первым формам символизации. Фактически вся клиника раннего возраста показывает, что это происходит из обмена телесными ощущениями, из того, что Стерн называет первичной

хореографией: регулировка жестов, мимики и поз между ребенком и основным объектом, которые составляют фон, на котором устанавливается возможность эмоциональной настройки. Стерн настаивает на феномене сенсорной транспозиции, лежащем в основе настроек (мать переводит действия своего ребенка в другую сенсорную модальность: например, ребенок пытается поймать мяч, ползая, а мать сопровождает его, не имитируя его движение, а голосом, интонациями, звуковым регистром).

Таким образом, в детской клинике примитивная чувственность становится посланником в связи с реакцией окружающей среды. Сенсорность, отражаемая окружающей средой, дает первичные формы символизации, в противном случае она вырождается и теряет свою символизирующую виртуальность. Эти процессы, касающиеся детской сексуальности, имеют серьезные последствия для психопатологии как детей, так и взрослых. Именно соединение чувственности ребенка и потенциальной виртуальности появления первичных форм символизации в ответах окружающей среды лежит в основе процессов символизации. Это появление первых форм символизации связано с первыми формами языка, которые имеют место в отношениях ребенка с окружающей его средой. В конечном счете «первичные формы символизации» относятся как к раннему опыту, так и к структурному процессу символизации, действующему на протяжении всей психической жизни. В этом контексте мы увидим на клинических примерах, как терапевтическое опосредование позволяет, в частности, возобновить символизирующую виртуальность этих первичных форм символизации.

Терапевтическая медиация и возникновение первичных форм символизации: на пути конструкции первичного нарциссизма

Предыдущая работа (*Brun, 2007, 2013*) показала, что встреча с гибкой средой (*Milner, 1955*) в кадре-диспозитиве терапевтических опосредований, таких как живопись, земля, лепка, коллаж, активизирует у детей галлюцинации; ощущения, порождаемые материальностью медиума, фактически актуализируют психотические переживания, которые при психозах часто относятся к первоначальным переживаниям, немислимым, как примитивные тревоги, отмеченные М. Кляйн, безымянный ужас Биона или переживания примитивной агонии, описанной Винникоттом в 1974 году, например, когда субъект отказывается от переживания психической смерти, чтобы иметь возможность выжить. Эти катастрофические первичные переживания никогда не могли быть представлены, потому что они в некотором смысле не были пережиты субъектом. Тем не менее они могут быть реактуализированы и изображены посредством того или иного материала, той или иной техники, единственного или различных способов.

Эти галлюцинации возникают из-за зеркального эффекта между медиумом и ребенком. Фактически при психозе между ребенком и медиумом устанавливаются зеркальные отношения, между телом ребенка и медиумом существует непрерывность, которая может быть недифференцированной.

Такая терапевтическая медиация позволяет обновлять примитивные переживания сенсорного, аффективного и моторного порядка, которые субъект испытывал до появления вербального языка и которые, следовательно, были не символизированы, не вписаны в языковой аппарат, а записаны в соответствии с модальностями, отличными от языка (такие как язык тела, язык аффекта и использование сенсомоторной техники). Сенсорная среда мобилизует перцептивную память, которую вывел на поверхность Фрейд и которая состоит из сенсорно-аффективно-моторных следов архаических переживаний.

Таким образом, восприятие в действительности ощущений, вызываемых материальностью медиума, текучестью, перфорацией или разрывом материала, активизирует галлюцинаторный процесс у ребенка, и, соответственно, ребенок формирует свои собственные галлюцинации, ощущения в материале, связанные с предыдущими переживаниями, которые он связывает с ощущениями, данными медиумом. Галлюцинированное ощущение обретет форму в объекте-медиуме и, таким образом, станет изобразимым и трансформируемым: такова первичная символизация, концептуализированная Р. Руссийоном (2010) как отрыв от восприятия к представлению сенсорной вещи. Работа гибкого медиума в рамках психоаналитической психотерапии, опосредованной для психотических пациентов, позволит обновлять и развивать в динамике переноса³, на материале, на кадре, а также и на терапевтах, связь с первичным объектом и (повторно) создавать первичный нарциссизм в связи с объектом.

Реактуализация первичных связей с объектом в отношениях с гибким медиумом: от солипсистского нарциссизма к нарциссизму, связанному с объектом

В связи с реактуализацией галлюцинированных ощущений работа гибкого медиума с пациентами, взрослыми или детьми, способствует возникновению и формированию проторепрезентаций (*Pinol-Douriez*, 1984), которые относятся к следам первого переживания отношения к объекту, переживания чувственного и аффективного характера. Исследование первичных форм символизации позволяет принимать во внимание наиболее примитивные аспекты субъективного опыта при любом клиническом столкновении, но терапевтические медиации предлагают привилегированные рамки, способствующие возникновению этих первичных форм символизации, поскольку они смогут обрести форму в материале.

Таким образом, в устройствах терапевтического опосредствования в виде дофигуративных следов эти матричные элементы деятельности символизации, проторепрезентации (*Pinol-Douriez*, 1984), характеризуют терапевтические возможности, неразделимость тела, психики и мира или телесного пространства, психического пространства и внешнего

³ О трансферентном созвездии, действующем в системе терапевтических медиумов, см. Brun A. et al., 2013, p. 159–187.

пространства. Именно так П. Касториадис-Оланье (1975) определяет пиктограммы, также близкие к аутистическим формам, описанным Ф. Тастин (1984). Появление первичных форм символизации относится не только к регистру пиктограмм, но также часто и к формальным обозначениям, которые, согласно Д. Анзье (1987), составляют первый этап символизации пиктограмм. Это перечисление первичных форм символизации не является исчерпывающим, но настоящее размышление будет ограничено этими основными концепциями.

Анзье определяет формальное означающее как конфигурацию тела в муках трансформации, навязанной в форме галлюцинаторного опыта. Он настаивает на том, что формальное означающее – это не фантазия, а телесное впечатление, ощущение движения и трансформации, которое не предполагает различия между субъектом и внешним пространством и которое субъект ощущает как чуждое самому себе. Формальные означающие состоят из проприоцептивных, тактильных, синестетических, кинестетических, уравнивающих позу образов и не имеют отношения к органам чувств на расстоянии, зрению и слуху. Короче говоря, они относятся к проторепрезентациям пространства и состояний тела; они представляют собой конфигурации тела и объектов в пространстве, а также их движения. В конечном счете они представляют собой конверты и психические контейнеры. Проблема формальных означающих для Д. Анзье – это борьба за психическое выживание.

Например, в контексте графической медиации с психотическими или аутичными детьми это может быть чувство разрыва общей кожи в связи с отслаиванием пластифицированной краски или даже живое бесконечное скольжение по листу. Мы часто находим следующие формальные обозначения, которые соответствуют различным конфигурациям работы рисования с опорой на лист, выполняемой ребенком: «Он деформируется и разрушается / он разбавляется и стирается / поверхность плоских волн / он складывается и разворачивается / тело разжижается».

Как подчеркивает Д. Анзье, в то время как сценарий фантазии строится на модели предложения с подлежащим, глаголом, дополнением объекта, представляющим действие, происходящее в трехмерном пространстве, формальное означающее выражается словесной фразой, ограниченной субъектом и глаголом, причем действие происходит в двумерном пространстве, без зрителя. В формальном означающем, напротив, форма ощущается как чуждая, что подразумевает формулировку без человеческого субъекта. Работа клиницистов будет осуществляться именно с учетом появления этих первичных форм символизации, которые станут источником всей динамики символизации.

Я предлагаю показать, исходя из своего опыта графической медиации с детьми-психотиками, что последовательность формальных означающих в ходе терапевтической работы соответствует процессу структурирования первичного нарциссизма ребенка в связи с его воздействием на материю (подразумевается образная материя) и терапевтов: помните, что концепция гибкой среды означает для М. Милнера (1955) как материал,

так и терапевта, представляющих и репрезентирующих среду в ее материальности.

В начале создания диспозитива, опосредованного рисованием, с детьми, страдающими серьезными патологиями, изобразительный материал часто возникает из некоей каши – формы, кажется, не могут быть начерчены на вспомогательном листе, а действия детей могут уступать место следующим формальным обозначениям: «лист пересекается», или «жидкое тело течет», или «течет бесконечно», «тело разжижается» или «разжижается без конца», «жидкое тело взволновано» или «оно взволновано», «тело взрывается» или «взрывается», «деформируется и разрушается». Кроме того, вот несколько фигур «необратимости и разрушения формы». «Лижет, глотает», «рассеивается», «растворяется и исчезает», «растворяется», «тонет», «исчезает», «уходит и не возвращается». Также мы часто отмечаем следующие формальные означающие, которые соответствуют разным конфигурациям работы рисования с опорой на лист, выполняемой ребенком: «опора рушится», «дыра засасывает», «отрывается», «оторвано», «я / лист с дырками, оторван», «протыкает / жалит / нагнаивается». Некоторые из этих действующих формальных означающих могут подпадать под парадигму, предложенную Д. Анзье (1987): «Общая кожа сорвана». Все эти формальные означающие относятся к патологической адгезивной позиции, которая определяется в изобразительной медиации не-конструкцией фона в том смысле, что дети не представляют какой-либо дифференцированной формы на фоне. Для них действительно невозможно изобразить формы на нижней части листа, они могут порвать, перфорировать лист или бросить следы без возврата, согласно формулировке Ж. Хааг (1995). Что касается психической оболочки, то она не конституирована, ребенок не интегрировал чувство оболочки и в особенности первичную оболочку ритмической природы. Таким образом, обращение детей с листами краски свидетельствует о состояниях индивидуальной и групповой психических оболочек (Brun, 2014в).

Эта первая фаза, часто встречающаяся в терапевтической работе детей-психотиков с помощью иллюстрированной медиации, свидетельствует о солипсистском нарциссизме без референции или обратной связи, по выражению Ж. Хааг, с объектом. Мы увидим, что эволюция формальных означающих в ходе терапевтической работы будет соответствовать процессу создания фона в живописи психотических детей.

Для выявления логики возникновения и трансформации первичных форм символизации, другими словами, логики первичной символизации, я предложила (Brun, 2014б) гипотезу о формальной ассоциативной цепочке, действующей в рамках терапевтических опосредований, по существу состоящей из формальных означающих (Д. Анзье). Эта формальная ассоциативная цепочка действует для любого субъекта в рамках терапевтических медиаций, при индивидуальном или групповом управлении: это вопрос определения последовательности форм как в самих постановках, так и в формировании изобразительного материала, но также во всем сенсомоторном языке пациентов, сталкивающихся со средой.

Из эволюции сенсомоторной ассоциативности в индивидуальных или групповых устройствах изобразительной медиации с психотическими и аутичными детьми, относящейся к психоаналитической психотерапии, на самом деле представляется возможным идентифицировать некоторые характерные элементы формальных ассоциативных цепочек, в основном составленных психоаналитической психотерапией. В динамике мастерских индивидуальной или групповой терапии детей-психотиков и аутистов, находящихся в *патологической адгезивной позиции*, некоторые из действующих формальных означающих подпадают под парадигму «содрана общая кожа». Часто встречаются следующие формальные обозначения: «дыра засасывает» / «оторвана, оторвана» / «лист – это кожа с дырками, оторвана» и пиктограмма захвата.

Затем «основные состояния материи», которые часто подпадают под определение магмы, могут дать начало следующим формальным признакам: «она деформируется и разрушается» / «тело разжижается» или «оно бесконечно разжижается» / «деформируется и уничтожается», а также «тело взрывается».

Наконец, патологическая адгезивная позиция обычно соответствует необратимости и разрушению формы. Вот несколько примеров: «рассеивается» / «растворяется и исчезает» / «исчезает» / «уходит и не возвращается» или «безвозвратные следы» (Haag, 1995).

Таким образом, в патологической адгезивной позиции фон не создается в том смысле, что дети не представляют какой-либо дифференцированной формы на фоне. Им невозможно изобразить фигуры на нижней части листа, они могут порвать, проколоть лист без возможности восстановления. Психическая оболочка не образована, ребенок не интегрировал чувство оболочки, в особенности первую оболочку ритмической природы.

В позиции отрыва от основы формируется первичный фон с возможностью на этот раз игры между фигурой и фоном. Это сенсорно-аффективно-моторные формы, а не образные или репрезентативные формы. В этой позиции отделения от фона возникает фантазм телесной кожи, характеризующийся следующими формальными обозначениями: «дыра заблокирована» / «склеивается» / «плоская поверхность волн» / «опора сопротивляется».

Затем мы весьма заметно видим возможную трансформацию состояний материи, которая может быть выражена, например, следующим образом: «разница в цвете и текстуре» / «затвердевает» / «слипается», «слипается» / «соскальзывает».

Наконец, обратимость трансформации проявляется в различных формах: «прилипает и отрывается» / «складывается и разворачивается» / «появляется, исчезает и появляется снова». В игру вступает ритмический жест, например в форме ритмического удара или ритмической проекции, часто сопровождаемый формальным означающим «след, который уходит и возвращается».

В позиции фигуративности или рефлексивности появляются новые фигуры, которые часто больше не соответствуют формальным означающим, потому что мы больше не находимся в двухмерном пространстве

без субъекта, и появляются фантастические сценарии. Это фаза, которая определяется построением дифференцированной оболочки, формально означающей «выставленный предел» или «появление обрамляющей структуры», согласно формулировке А. Грина (1993, с. 282).

«Я» становится действующим лицом и субъектом трансформаций, и наконец появляются фантастические сценарии, изображаемые на листе и/или вербализованные. Отсюда появление репрезентативных форм с разным содержанием.

В общем смысле, в рамках терапевтических медиаций, относящихся к психоаналитической психотерапии, терапевтическая работа осуществляется не только из материальности медиатора, но и из динамики переноса. Форматирование медиума действительно вызовет телесные, визуальные, кинестетические, mimo-жесто-постуральные сообщения. Мы отмечаем, что если терапевты примут во внимание в качестве сообщений эти пиктограммы или формальные обозначения, воспринимаемые субъектом как чужеродные и неподходящие, их можно будет преобразовать в ходе терапевтической работы в реальные сообщения, субъектами которых будут дети. Такие сообщения могут быть адресованы другим, группе и терапевтам в процессе лечения, а также, при необходимости, и группе детей вне терапии.

Цель состоит в том, чтобы придать значимость сообщению переживаний ребенка-психотика, в частности через разделение аффектов и наделение их общим смыслом, – процесс, который делает возможным преобразование ощущений в эмоции. Через сенсорность, моторику, движение терапевтический процесс состоит в формировании фигуры, ритма, сенсорных впечатлений, которые могут стать репрезентациями вещей, которые ребенок может усвоить в процессе рефлексии.

В конечном итоге терапевтическая работа, основанная на сенсорной медиации в рамках психоаналитической психотерапии, направлена на то, чтобы помочь ребенку эволюционировать от психотической проблематики солипсистского тела, со всемогущим нарциссизмом и инцестированием в теле сенсорных стереотипов, к телу, посылающему сообщения, с реляционным нарциссизмом, который был бы встроен в интересубъективность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Abraham K.* (1908), «Les différences psychosexuelles entre l'hystérie et la démence précoce», in *Œuvres complètes*, t. I, Paris, Payot, pp. 36–47
2. *Anzieu D.* (1987), «Les signifiants formels et le moi-peau», in *Anzieu D., Houzel D. et al., Les Enveloppes psychiques*, Paris, Dunod.
3. *Bleger J.* (1967), *Symbiose et Ambiguïté*, trad. fr., Paris, Puf, 1981.
4. *Brun A.* (2007), *Médiations thérapeutiques et psychose infantile*, Paris, Dunod, coll. «Psychismes», 1re éd. 2007, rééd. revue et augmentée 2010.
5. *Brun A., Chouvier B., Roussillon R.* (2013), *Manuel des médiations thérapeutiques*, Paris, Dunod.

6. Brun A. (2014a), «Médiations thérapeutiques et autismes», in Amy D., Autismes et Psychanalyse, Ramonville-Saint-Agne, Érès, pp. 449–476.
7. Brun A. (2014b), «Médiations thérapeutiques et associativité formelle dans les dispositifs pour enfants avec troubles envahissants du développement», La Psychiatrie de l'enfant, vol. 54, à paraître en novembre 2014.
8. Castoriadis-Aulagnier P. (1975), La Violence de l'interprétation, Paris, Puf.
9. Donnet J.-L. (2007), «Entre l'agir et la parole», in Revue française de psychanalyse, vol. 71, 5, pp. 1567–1577.
10. Freud S. (1911), «Psychoanalytische Bemerkungen über einen Autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia», GW, vol. 13, pp. 239–316; trad. fr. «Remarques psychanalytiques sur l'autobiographie d'un cas de paranoïa. Le Président Schreber», in Cinq psychanalyses, Paris, Puf, 1954.
11. Freud S. (1914), «Zur Einführung des Narzissmus», GW, vol. X, pp. 137–170; trad. fr. «Pour introduire le narcissisme», in La Vie sexuelle, Paris, Puf, 1985, pp. 81–105.
12. Freud S. (1915a). «Triebe und Tribschicksale», GW, vol. X, pp. 210–232; trad. fr., «Pulsions et destins des pulsions», OCFP, vol. 13, pp. 163–187, Paris, Puf, 1988
13. Freud S. (1915b). «Das Unbewusste», GW, vol. X, pp. 263–303; trad. fr., J. Altounian, A. Bourguignon, P. Cotet, A. Rauzy, «L'inconscient», in OCFP, vol. 13, pp. 205–244, Paris, Puf, 1988.
14. Freud S. (1915–1917), «Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse», GW, vol. 11; trad. fr., «Leçons d'introduction à la psychanalyse», in OCFP, vol. 14, Paris, Puf, 2000.
15. Gergely G., Koofs O., Watson J. S. (1999), «Perception causale et rôle des comportements imitatifs des parents dans le développement socio-émotionnel précoce», in Nadel J. & Decety J. (dir.), Imiter pour découvrir l'humain, Paris, Puf.
16. Green A. (1993), Le Travail du négatif, Paris, Éditions de Minuit.
17. Haag G. (1995), «La constitution du fond dans l'expression plastique en psychanalyse de l'enfant. Sa signification dans la constitution de la psyché», in De Cobert S., Sacco F. et coll., Le Dessin dans le travail psychanalytique avec l'enfant, Ramonville-Saint-Agne, Érès, pp. 63–87.
18. Milner M. (1955). «Le rôle de l'illusion dans la formation du symbole», tr. fr., Revue française de psychanalyse, 1979, nos 5–6, repris in Chouvier B. (dir.), Matière à symbolisation, art, création et psychanalyse, Paris, Delachaux et Niestlé, 1998, pp. 28–59.
19. Ovide, Métamorphoses, Livre troisième.
20. Pinol-Douriez M. (1984), Bébé agi, bébé actif, Paris, Puf.
21. Roussillon R. (1991), Paradoxes et situations limites de la psychanalyse, Paris, Puf.
22. Roussillon R. (2010), «La pulsion et l'intersubjectivité. Vers l'entre-je(u)», in Golse B. & Roussillon R., La Naissance de l'objet, Paris, Puf, pp. 93–116.
23. Roussillon R. (2011), «Déconstruction du narcissisme primaire», Année psychanalytique internationale, n° 9.
24. Stern D. (1985), Le Monde interpersonnel du nourrisson, trad. fr., Paris, Puf, 1989.

25. *Tustin F.* (1984), *Les états autistiques chez l'enfant*, trad. fr., Paris, Le Seuil, 1986.
26. *Winnicott D. W.* (1971), *Jeu et Réalité, L'espace potentiel*, trad. fr. C. Monod & J.-B. Pontalis, Paris, Gallimard, coll. «Connaissance de l'inconscient», 1975.

Mirrors of Narcissism: Clinical Manifestations of Psychosis

Anne Brun

(Translated from French by Larisa Zakharova)

Anne Brun, psychoanalyst, professor of clinical psychology and psychopathology, director of the Center for Research in Psychopathology and Clinical Psychology at the University of Lyon (Université Lyon 2). Member of the Paris Psychoanalytic Society (SPP).

Freud's growing interest to the treatment of psychosis partly motivated the introduction in 1914 of the concept of narcissism. This article proposes to define the contribution of this question of narcissism in the clinic of psychosis from a dual point of view, metapsychological and therapeutic. The evolution of the concept of primary narcissism in the history of psychoanalysis will be considered in the light of Winnicott and the contributions of modern psychoanalysts to the study of primary forms of symbolization. Freud emphasized that the importance of narcissism constituted an obstacle to the therapeutic dimension of psychoanalysis and announced the modification of conventional treatments for these pathologies of narcissism and psychoanalysis in particular. From this point of view, the main thread of clinical research will be the role played by the call to the sensorimotor and body registers in the psychoanalytic psychotherapy of psychoses based on therapeutic mediation.

Keywords: therapeutic mediation, primary narcissism, psychosis, sensory, primary symbolization.